

АКАДЕМИЯ
ПРАВА

#2 2024

БОЛЬШЕ ЧЕМ ЖУРНАЛ

#

МУЗЕЙНОЕ ПРАВО РОСКОШНОЕ ЖИЛЬЕ
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
СПОРТ МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

VENIRE CONTRA FACTUM PROPRIUM КАК ПРИНЦИП СПОРТИВНОГО ПРАВА

VENIRE CONTRA FACTUM PROPRIUM AS THE SPORTS LAW PRINCIPLE

**Токарев Даниил
Артемович**

tokarewDaniil@yandex.ru

Студент 3 курса
Санкт-Петербургский государственный
университет
Санкт-Петербург, Россия

Tokarev Daniil Artemovich
Saint-Petersburg State University,
3 year student

Научный руководитель:
Васильев Илья Александрович
к. ю. н., доцент кафедры теории и истории
государства и права
Санкт-Петербургского государственного
университета,
i.vasilev@spbu.ru

Academic supervisor:
Vasilyev Iliia Alexandrovich
Associate Professor of the Department of
History and Theory of Law of the
Saint-Petersburg State University,
Candidate of Science (Law)

Аннотация: в статье рассмотрен один из принципов спортивного права – *venire contra factum proprium*, согласно которому запрещается менять свое собственное поведение в ущерб второй стороне. Доктрина исследуется в аспекте исторического развития, а также современного практического применения при разрешении спортивных споров. Отмечается неоднозначность толкования принципа, в связи с чем он рассматривается в различных интерпретациях Спортивным арбитражным судом. Сделан вывод о значении принципа для спортивной юриспруденции, а также его положении в системе спортивного права.

Abstract: the article considers one of the principles of sports law - *venire contra factum proprium*, according to which it is forbidden to change one's own behavior to the detriment of the other party. The doctrine is researched in the aspect of historical development, as well as practical application in the resolution of sports disputes. The ambiguity of interpretation of the principle is noted, in this connection it is considered in different interpretations by the Court of Arbitration for Sport. The conclusion is made about the significance of the principle for sports jurisprudence, as well as its position in the system of sports law

Ключевые слова:
venire contra factum proprium,
estoppel, спортивное право,
спортивный арбитраж, CAS,
законные ожидания, средства
доказывания

Key words:
international soft law, soft law,
civil code, judicial practice,
constitutional court.

В правоотношениях сторон одну из ключевых ролей играет стабильность. Именно она позволяет сторонам чувствовать себя «защищенными» от угрозы несения убытков, а также обеспечивает возможность извлечь максимальную пользу из сложившихся правовых обстоятельств. Что может гарантировать стабильность? Для ответа на данный вопрос необходимо первоначально рассмотреть суть правоотношения. Это отношения сторон, урегулированные нормами права. Что есть отношения сторон сами по себе? Это есть линии поведения субъектов, направленные по отношению друг к другу. Когда действия сторон имеют встречный, сонаправленный характер, подкрепленный правовыми основаниями – возникает правоотношение. В каком случае будут иметь место стабильные правоотношения? Когда действия сторон являются непротиворечивыми и соответствующими правовым ожиданиям друг друга. Иначе любое отношение будет порочным, не лишенным обмана и, возможно, мошенничества.

Область спортивных отношений не является исключением. В связи с этим разумно предположить о существовании механизмов, защищающих стороны от возможности злоупотребления своими правами. Одним из таковых является принцип запрета противоречивого поведения сторон, именуемый иначе *venire contra factum proprium* (здесь и далее – курсив автора), предусматривающий запрет стороны менять линию своего поведения в ходе отношений с противоположной стороной. Однако данное толкование – лишь «вершина айсберга», и суть принципа заключается в глубинном понимании доктрины. Интерес в настоящем исследовании представляет упомянутая доктрина и пути её развития, на основании чего сформировано толкование принципа в спортивной

юриспруденции. Актуальность исследования подтверждается и тем, что ранее принцип не рассматривался учеными в парадигме спортивного права, в связи с чем большинство выводов будут сделаны на основе судебной практики, а также в связи с доктринальными источниками, посвященными изучению такового в других отраслях права.

Необходимо также отметить, что конструкция *venire contra factum proprium* часто отождествляется со схожей конструкцией *estoppel*. Внесем ясность: правопорядкам романо-германской правовой системы рассматриваемый принцип знаком в первой формулировке, тогда как странам общего права более известен второй термин. Спортивный арбитражный суд (CAS, арбитраж) и юрисдикционные органы FIFA в своих решениях преимущественно пользуются принципом *venire contra factum proprium*. Что неудивительно, ведь CAS в учредительных документах и правоприменительной практике основывается на праве Швейцарии, которая не признает доктрину эстоппеля¹.

Первично сформировавшись в системе римского права, максима *venire contra factum proprium* предъявляла к субъектам правоотношений следующее требование: «Никто не может противоречить своему собственному поведению». Требования максимы в большинстве случаев применялись в процессе для прекращения мошеннических действий истца². В частности, одним из первых «исследователей» рассматриваемой доктрины выступал итальянский глоссатор Ацо (*Azonis Bononiensis*), который рас-

суждал над тем, могут ли быть ситуации (акты), когда можно противоречить своему поведению в сборнике правовых максим «*Brocardica*»³.

Так, наиболее важным для настоящего исследования является деление актов, имеющих правовые основания, на следующие категории:

- акты, не предполагающие создание юридической обязанности (*faciendo de facto non de iure*). В отношении них максима не действовала⁴.
- акты, направленные на правовой результат. Однозначного ответа на вопрос о применимости принципа не было выработано, вследствие чего данная группа была подразделена на: 1) акты, отменяемые по своей природе (*factum de sua natura est revocabile*), в которых нельзя было требовать от стороны добросовестного поведения; 2) акты, неотменяемые по своей природе (*factum de sua natura non est revocabile*). Таковые делились на акты: а) законные, правомерные, действительные, в которых недопустимым считалось поведение, нарушающее правомерный и действительный акт. Исключения допускались в особых случаях, например, при обмане или принуждении при совершении акта, а также при действии лица в чьем-нибудь интересе; б) не относящиеся к законным, а именно: акты *contra legem* (против закона – лат.) и акты *praeter legem* (вне закона – лат.). Что касается актов «против закона», Ацо считал, что действие максимы не распространяется на поведение, идущее вразрез с правом. Говоря об актах «за пределами права», он придерживался позиции, что

¹ Прибов Н. Д. Доктрина запрета противоречивого поведения // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 3. — С. 130.

² Laura Vagni Protection of the purchaser's reliance in 16th - 18th century England and Europe // The Western Australian Jurist. Vol. 3. 2012. P.5.

³ Azonis Bononiensis. Brocardica (Eusebium Episcopium et Nicolai Episcopij haeredes, 1567)

⁴ Тузов Д. О. Идея недопустимости «*venire contra factum proprium*» в связи с нормой об иррелевантности заявления о недействительности: юридическая максима или принцип? // Закон. — 2020. — № 4. — С. 53.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ ВПОСЛЕДСТВИИ ВНОСИЛА КОНКРЕТИЗАЦИЮ В ПОНИМАНИЕ ПРИНЦИПА НЕПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ПОВЕДЕНИЯ. УСИЛЕНИЕ РОЛИ НАСТОЯЩЕЙ ДОКТРИНЫ В XX В. ПРОИСХОДИТ БЛАГОДАРЯ ИССЛЕДОВАНИЮ НЕМЕЦКОГО ПРАВОВЕДА Э. РИЦЛЕРА.

venire contra factum proprium распространяется на все подобные акты¹. Таким образом, в «Brocardica» принцип *venire contra factum proprium* признается имеющим исключения. Интересна также «роль», отведенная максиме в судебном процессе. Интерпретируя тексты Brocardica, она выступает лишь одним из оценочных критериев при разрешении юридического казуса, являясь вовсе не предрешающим итоговое решение².

Предложенная выше классификация стала основой для исследований среди юристов последующих столетий. Изучающие данную максиму выводили новые классификации актов и последствия противоречивого поведения стороны в споре. Однако основным продолжало оставаться деление актов, сформированное к XIV веку.

Европейская правовая мысль впоследствии вносила конкретизацию в понимание принципа непротиворечивости поведения. Усиление роли настоящей доктрины в XX в. происходит благодаря исследованию немецкого правоведа Э. Рицлера³. Считается, что именно после опубликования его работы доктрина *venire contra factum proprium* была признана в правовых системах стран континентальной Европы⁴. Рицлер приходит к выводу о том, что максима не есть конкретный принцип, который должен применяться ко всем правовым отношениям сторон, можно лишь выделить конкретные практические ситуации, где надлежит проводить проверку добросовестного поведения стороны. *Venire contra factum proprium* – идея, которая позволяет воспрепятствовать извлечению выгоды из собственной недобросовестности для получения в конкретных ситуациях «телеологически удовлетворительных решений, которые закон, по крайней мере прямо, не предписывает»⁵.

Историческое развитие конструкции *venire contra factum proprium* позволяет сделать вывод о двух основных путях её развития. В теории римского права изначально складывались предпосылки развития максимы как принципа с формальной точки зрения, не лишенного исключений и занимающего далеко не главенствующую роль при разрешении споров. Исследования XX в. рассмотрели доктрину с иной стороны и, на взгляд автора, правильно пришли к заключению о том, что если конструкция, названная принципом, имеет исключения, то принципом она являться не может. Следовательно, рассматриваемая доктрина – не более чем идея, и круг её применения можно определить лишь примерно⁶.

Тем интереснее обратить внимание на толкование рассматриваемой доктрины в спортивном праве. Говоря о *venire contra factum proprium* как составляющей данной отрасли и инструменте разрешения спортивных споров, стоит отметить интерпретацию, предлагаемую CAS в своих решениях: «Доктрина⁷ *venire contra factum proprium* предусматривает, что в тех случаях, когда поведение одной стороны вызвало правомерные ожидания у другой стороны, первой стороне запрещается поменять своё поведение в ущерб второй стороне»⁸. Следовательно, рассматриваемый принцип приобретает дополнительную область для рассмотрения через призму института правомерных ожиданий (*legal expectations, legitimate expectations*).

Что представляет собой данный институт? Ответить на вопрос позволяет практика CAS. Интересным с данной точки зрения представляется решение арбитража по делу «Мангар Маку против Федерации легкой атлетики Южного Судана и Олимпийского

¹ Там же. С. 54

² Там же. С. 52

³ Riezler, E. *Venire contra factum proprium*. Studien im römischen, englischen und deutschen Civilrecht. Leipzig, 1912. V, 187 p.

⁴ Ranieri F. Le principe de l'interdiction de se contredire au détriment d'autrui ou du *venire contra factum proprium* dans les droits allemand et suisse et sa diffusion en Europe // L'interdiction de se contredire au détriment d'autrui / ed. M. Behar-Tou chais. Paris, 2001. P. 25

⁵ Тузов Д. О. Идея недопустимости «*venire contra factum proprium*» в связи с нормой об иррелевантности заявления о недействительности: юридическая максима или принцип? // Закон. – 2020. – № 4. – С. 57.

⁶ Там же. С. 58

⁷ В некоторых решениях можно встретить трактовку *venire contra factum proprium* не в качестве «доктрины», а в качестве «принципа» (см. напр. Arbitration CAS 2015/A/4144 Newell's Old Boys v. Al Ain FC, award of 26 April 2016, para. 1). Данные понятия отождествляются практикой CAS и могут упоминаться в качестве синонимов. Далее в статье понятия «доктрина» и «принцип» имеют одинаковое значение.

⁸ См. напр.: Arbitration CAS 2008/O/1455 Boxing Australia v/AIBA, award of 16 April 2008, para. 2; Arbitration CAS 2017/O/5264, 5265 & 5266 Miami FC & Kingston Stockade FC v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), Confederation of North, Central America and Caribbean Association Football (CONCACAF) & United States Soccer Federation (USSF), award of 3 February 2020, para. 7; Arbitration CAS 98/200 AEK Athens and SK Slavia Prague / Union of European Football Associations (UEFA), award of 20 August 1999, para. 4.

комитета Южного Судана», в котором было закреплено и раскрыто значение принципа: «Доктрина законных ожиданий обеспечивает процессуальное и, в некоторых юрисдикциях, материальное право, когда заявление было сделано лицу кем-то, обладающим компетенцией. Она призвана защитить людей от злоупотреблений»¹. Таким образом, институт *legal expectations* обладает следующими признаками: а) защита от недобросовестности при разрешении споров, в чем Спортивный арбитражный суд придерживается позиции, выдвигаемой римско-правовой доктриной; б) двойственная природа. Процессуальный элемент основывается на презумпции следования компетентного лица (*a person in authority*) надлежащей процедуре при принятии решений. Материальное измерение института возникает тогда, когда лицо, обладающее компетенцией, создает у другого субъекта правомерное представление о том, что последний получит материальную выгоду². Правомерные ожидания возникают с момента, когда противоположная сторона сделала вывод о добросовестности другой стороны. После этого любое изменение позиции по делу будет признаваться нарушением принципа *venire contra factum proprium*; в) наличие «компетентного лица» или, фактически, лица с властными полномочиями по отношению к противоположной стороне. В данном аспекте CAS придерживается швейцарской правовой доктрины правомерных ожиданий, которая изначально формировалась на основе правоотношений, где один из субъектов наделен властными компетенциями³.

Последний пункт требует отдельного рассмотрения. В практике CAS имеет место синонимизация доктрин *venire contra factum proprium* и *legitimate expectations* (*legal expectations*). Отождествление выражается в том, что при раскрытии первой используется вторая, о чем упоминалось выше. Данная интерпретация принципа не меняется, «переходя» из решения в решение. Насколько корректно употреблять данные конструкции в качестве синонимов? С одной стороны, большинство споров, рассматриваемых Спортивным арбитражем, имеют место между субъектами «разного уровня» (например, спортсменами и спортивными федерациями⁴, спортсменами и клубами⁵, клубами и спортивными феде-

рациями⁶), что позволяет сформировать универсальную и устойчивую практику. Более того, поведение одной стороны всегда будет вызывать определенные ожидания у другой. В ином случае правоотношения были бы невозможны по определению. Подобной позиции придерживаются и стороны спора при формулировке своих позиций: «В сочетании со Швейцарским законом о конкуренции, *venire contra factum proprium* или законные ожидания могут рассматриваться в качестве процессуальных оснований для отмены обжалуемого решения»⁷.

С другой стороны, существует позиция, опирающаяся на тонкости перевода и разделяющая ожидания «правомерные» и «законные». Первая категория имеет место в отношениях неравных по статусу субъектов и не требует правовых оснований, в то время как вторая категория может возникать в любых отношениях, закрепленных договором или иным правовым актом, являющимся основанием возникновения правоотношений⁸. Интересным с данной точки зрения является спор между футбольными клубами (равные по статусу субъекты в данном случае – прим. авт.) «Барселона» и «ПСЖ» на предмет выплат за переход футболиста из одной команды в другую⁹. В ходе разбирательства стороны и Спортивный арбитражный суд при аргументации использовали по отдельности принципы *legitimate expectations* и *venire contra factum proprium*. Также, в одном из решений 2018 года CAS указывает следующее: «Согласно общепризнанному принципу права, эстоппель защищает законные ожидания лица»¹⁰. Подобный взгляд позволяет нам рассуждать о том, что две сопоставляемые доктрины – не одно и то же, *venire contra factum proprium* – более широкое понятие, которое включает в себя законные ожидания.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод: одна доктрина не может существовать без другой. Что касается возможности взаимозаменяемости конструкций, допускается двойственность мнений, признаваемых в решениях CAS. Однако при формировании позиции по делу следует руководствоваться двумя критериями: а) субъектный состав участников спора. Только в случае наличия «властного элемента» допустима взаимозаменяемость принципов; б)

1 Arbitration CAS ad hoc Division (OG Rio) 16/005 & 16/007 Mangar Makur Chuot Chep & South Sudan Athletics Federation (SSAF) v. South Sudan Olympic Committee (SSNOC), award of 7 August 2016 (operative part of 3 August 2016), para. 44.

2 Там же. Para. 2.

3 Черновол К.А. Концепция правомерных ожиданий: европейский и российский опыт // Правоведение. – 2019. – Т. 63, № 1. – С. 184–185.

4 См. напр.: Arbitration CAS 2023/O/9401 World Athletics (WA) v. Russian Athletic Federation (RUSAF) & Yelena Korobkina, award of 27 September 2023.

5 См. напр.: Arbitration CAS 2023/A/9444 U Craiova 1948 SA v. Marko Gajic, award of 27 October 2023.

6 См. Напр.: Arbitration CAS 2022/A/9325 Al Merrikh Sport Club v. Khartoum Local Football Association & Sudan Football Association, award of 25 April 2023.

7 Arbitration CAS 2022/A/8865 FC Zenit JSC v. Union des Associations Européennes de Football (UEFA) & CAS 2022/A/8866 FC Sochi v. UEFA & CAS 2022/A/8867 PFC CSKA Moscow v. UEFA & CAS 2022/A/8868 FC Dynamo Moscow v. UEFA, award of 25 November 2022 (operative part of 15 July 2022), para. 48, subpara. g.

8 Arbitration CAS 2021/A/8543 Paris Saint-Germain Football v. Futbol Club Barcelona, award of 12 April 2023.

9 Arbitration CAS 2018/A/5824 Adnan Darjal Motar Al-Robiye, Jawad Najm Abdullah Abdullah, Mohammedjawad Ahmed Salih Alsaegh, Firas Nuri Abdulaa Bahraellum, Alla Kadhim Jebur Kinani, Nashat Akram Abid Ali Ali Essa, Nozad Qader Ali Ali, Rasha Talib Dheyab Al-Tameemi, Sherzad Kareem Majeed Majeed, Waleed Hameed Shinab Al-Zaidi and Younus Mahmood Khalaf Khalaf v. Iraq Football Association (IFA), award of 21 January 2021, para. 1.

10 Arbitration CAS 2018/A/5552 Kenneth Joseph Asquez v. FC Manisaspor K.D. & Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 4 December 2018, para. 1.

отношения, сложившиеся между субъектами. В ситуации, когда имел место правовой акт, связывающий стороны спора, доктрины нельзя рассматривать как единое целое.

Подчеркнем также, что непризнание швейцарским правом доктрины *estoppel* не мешает практике CAS в некоторых решениях отождествлять данный термин с доктриной *venire contra factum proprium*¹, что, безусловно, некорректно с точки зрения исторического развития данных доктрин. Имеют место и решения, в которых не фигурирует *venire contra factum proprium*, будучи замененным *estoppel* со статусом «общеправовой доктрины»². Однако подобной практики существенно меньше, в большинстве случаев используется *venire contra factum proprium*.

Разумно рассмотреть принцип в другой плоскости. Чем таковой выступает для сторон спора? Для них это процессуальный инструмент доказывания, о котором можно заявить спортивному арбитражу в обоснование позиции по делу³. Стороне, сделавшей заявление, не обязательно ждать, пока арбитры самостоятельно определяют противоречивость поведения противоположной стороны. Более того, подобное заявление не может быть оставлено судом без рассмотрения и подлежит оценке в конкретном случае⁴. Исходя из совокупности упомянутых «кейсов», видим также отсутствие ограничений субъектного состава, доктрина применима как к любым формам отношений, так и ко всем лицам, являющимся субъектами спорта.

Таким образом, что есть *venire contra factum proprium* в спортивном праве? В первую очередь, принцип. Требование непротиворечивого поведения в настоящий момент не знает исключений и применяется ко всем участникам спортивных правоотношений. В данном аспекте конструкция выступает скорее «продолжателем» римско-правовых начал, нежели европейской позиции XX века. Спортивно-правовое регулирование расширяет границы доктрины, дополняя её принципом законных ожиданий и допуская их использование в качестве синонимов. Непосредственно в самом споре принцип выступает одним из способов доказывания для сторон. При этом говорить о том, что доктрина играет решающую роль при принятии решения по делу, не приходится.

Venire contra factum proprium – скорее, вспомогательный процессуальный инструмент, на который суд обратит внимание и даст оценку упомянутому. Являясь принципом, не закрепленным нормативно, *venire contra factum proprium* занимает важную позицию в формировании стабильности спортивных отношений, так как любые правоотношения, прежде всего, строятся на началах недвусмысленного и добросовестного поведения сторон.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Научные источники

- Афанасьев Д.В. Нюансы защиты имущества юридических лиц в Европейском суде по правам человека // Хозяйство и право. 2011. № 6. С. 29 – 41
- Грибов Н. Д. Доктрина запрета противоречивого поведения // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 3. – С. 128–135.
- Тузов Д. О. Идея недопустимости «*venire contra factum proprium*» в связи с нормой об иррелевантности заявления о недействительности: юридическая максима или принцип? // Закон. – 2020. – № 4. – С. 47 – 64.
- Черновол К.А. Концепция правомерных ожиданий: европейский и российский опыт // Правоведение. – 2019. – Т. 63, № 1. – С. 181–191
- Laura Vagni Protection of the purchaser's reliance in 16th - 18th century England and Europe // The Western Australian Jurist. Vol. 3. 2012. 25 P.
- Azonis Bononiensis. Brocardica (Eusebium Episcopium et Nicolai Episcopij haeredes, 1567)
- Riezler, E. *Venire contra factum proprium*. Studien im römischen, englischen und deutschen Civilrecht. Leipzig, 1912. V, 187 p.
- Ranieri F. Le principe de l'interdiction de se contredire au détriment d'autrui ou du *venire contra factum proprium* dans les droits allemand et suisse et sa diffusion en Europe // L'interdiction de se contredire au détriment d'autrui / ed. M. Behar-Tou chais. Paris,

1 Arbitration CAS 2018/A/5552 Kenneth Joseph Asquez v. FC Manisaspor K.D. & Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 4 December 2018, para. 1

2 Arbitration CAS 2018/A/5824 Adnan Darjal Motar Al-Robiye, Jawad Najm Abdullah Abdullah, Mohammedjawad Ahmed Salih Alsaegh, Firas Nuri Abdulla Bahrailellum, Alla Kadhim Jebur Kinani, Nashat Akram Abid Ali Ali Essa, Nozad Qader Ali Ali, Rasha Talib Dheyab Al-Tameemi, Sherzad Kareem Majeed Majeed, Waleed Hameed Shinab Al-Zaidi and Younus Mahmood Khalaf Khalaf v. Iraq Football Association (IFA), award of 21 January 2021, para. 1; Arbitration CAS ad hoc Division (OG Beijing) 22/011 Evan Bates, Karen Chen, Nathan Chen, Madison Chock, Zachary Donohue, Brandon Frazier, Madison Hubbell, Alexa Knierim & Vincent Zhou v. International Olympic Committee (IOC), award of 30 March 2022 (operative part of 19 February 2022), para. 73.

3 См. напр.: Arbitration CAS 2022/A/8865 FC Zenit JSC v. Union des Associations Européennes de Football (UEFA) & CAS 2022/A/8866 FC Sochi v. UEFA & CAS 2022/A/8867 PFC CSKA Moscow v. UEFA & CAS 2022/A/8868 FC Dynamo Moscow v. UEFA, award of 25 November 2022 (operative part of 15 July 2022), para. 48, subpara. g.; Arbitration CAS 2021/A/8543 Paris Saint-Germain Football v. Futbol Club Barcelona, award of 12 April 2023, para. 42; Arbitration CAS 2022/A/9165 BGPU-BG Pathum United v. Daniel Garcia Rodriguez & Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 5 September 2023, para. 61

4 См. напр.: Arbitration CAS 2022/A/9017 FC Zenit JSC, FC Dynamo Moscow, FC Sochi, PFC CSKA Moscow, FC Krasnodar, FC Lokomotiv, FC Rostov, FC Rubin v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 12 June 2023 (operative part of 13 January 2023), para. 210; Arbitration CAS 2022/A/8871 Football Union of Russia (FUR) v. Union of European Football Associations (UEFA) et al., award of 25 November 2022, para. 98

Судебная практика

9. Arbitration CAS 2008/O/1455 Boxing Australia v/ AIBA, award of 16 April 2008

10. Arbitration CAS 2017/O/5264, 5265 & 5266 Miami FC & Kingston Stockade FC v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), Confederation of North, Central America and Caribbean Association Football (CONCACAF) & United States Soccer Federation (USSF), award of 3 February 2020

11. Arbitration CAS 98/200 AEK Athens and SK Slavia Prague / Union of European Football Associations (UEFA), award of 20 August 1999

12. Arbitration CAS ad hoc Division (OG Rio) 16/005 & 16/007 Mangar Makur Chuot Chep & South Sudan Athletics Federation (SSAF) v. South Sudan Olympic Committee (SSNOC), award of 7 August 2016 (operative part of 3 August 2016)

13. Arbitration CAS 2022/A/8865 FC Zenit JSC v. Union des Associations Européennes de Football (UEFA) & CAS 2022/A/8866 FC Sochi v. UEFA & CAS 2022/A/8867 PFC CSKA Moscow v. UEFA & CAS 2022/A/8868 FC Dynamo Moscow v. UEFA, award of 25 November 2022 (operative part of 15 July 2022)

14. Arbitration CAS 2018/A/5824 Adnan Darjal Motar Al-Robiye, Jawad Najm Abdullah Abdullah, Mohammedjawad Ahmed Salih Alsaegh, Firas Nuri Abdulaa Bahralellum, Alla Kadhim Jebur Kinani, Nashat Akram Abid Ali Ali Essa, Nozad Qader Ali Ali, Rasha Talib Dheyab Al-Tameemi, Sherzad Kareem Majeed Majeed, Waleed Hameed Shinab Al-Zaidi and Younus Mahmood Khalaf Khalaf v. Iraq Football Association (IFA), award of 21 January 2021

15. Arbitration CAS 2018/A/5552 Kenneth Joseph Asquez v. FC Manisaspor K.D. & Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 4 December 2018

16. Arbitration CAS ad hoc Division (OG Beijing) 22/011 Evan Bates, Karen Chen, Nathan Chen, Madison Chock, Zachary Donohue, Brandon Frazier, Madison Hubbell, Alexa Knierim & Vincent Zhou v. International Olympic Committee (IOC), award of 30 March 2022 (operative part of 19 February 2022)

17. Arbitration CAS 2015/A/4144 Newell's Old Boys v. Al Ain FC, award of 26 April 2016

18. Arbitration CAS 2023/O/9401 World Athletics (WA) v. Russian Athletic Federation (RUSAF) & Yelena Korobkina, award of 27 September 2023

19. Arbitration CAS 2023/A/9444 U Craiova 1948 SA v. Marko Gajic, award of 27 October 2023

20. Arbitration CAS 2022/A/9325 Al Merrikh Sport Club v. Khartoum Local Football Association & Sudan Football Association, award of 25 April 2023

21. Arbitration CAS 2021/A/8543 Paris Saint-Germain Football v. Futbol Club Barcelona, award of 12 April 2023

22. Arbitration CAS 2022/A/9165 BGPU-BG Pathum United v. Daniel Garcia Rodriguez & Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 5 September 2023

23. Arbitration CAS 2022/A/9017 FC Zenit JSC, FC Dynamo Moscow, FC Sochi, PFC CSKA Moscow, FC Krasnodar, FC Lokomotiv, FC Rostov, FC Rubin v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 12 June 2023 (operative part of 13 January 2023)

24. Arbitration CAS 2022/A/8871 Football Union of Russia (FUR) v. Union of European Football Associations (UEFA) et al., award of 25 November 2022

